

Мои герои стареют со мной

Странно все-таки видеть фамилию Отара Иоселиани в списке французской делегации Московского международного кинофестиваля. Хотя уже и «Семь пьес для черно-белого кино», и «Страна басков», вышедшие в 1982 году, числились французскими фильмами, и в титрах «Фаворитов луны» значилось — «Франция». И все-таки наша любовь к Иоселиани рождалась в «Апреле», при «Листопаде», тогда, когда «Жил певчий дрозд»...

И вот теперь — «Охота на бабочек», показанная в программе «Панорама». Кое-кому (и мне в том числе) удалось посмотреть ее еще прошлой осенью, во время первого (после долгого отсутствия) приезда режиссера в Москву. Новая встреча с фильмом принесла новые ощущения и массу вопросов, которыми журналисты буквально забросали Отара Иоселиани на пресс-конференции. Считает ли режиссер, что вместе со старшим поколением умирают и такие понятия, как порядочность, честность, бескорыстие? Является ли фильм ностальгией по родине, поскольку главные героини — эмигрировавшие во Францию сестры из грузинского княжеского рода? Где лучше работается — во Франции или в Грузии? Появились ли там такие же друзья, какие были здесь? Постараюсь вкратце изложить то, что сказал, отвечая на эти вопросы, Отар Иоселиани.

— Я глубоко уверен, что порядочных людей не так уж много в любую эпоху. Так устроен мир: человек слаб, полон корысти, зависти и других не самых лучших качеств. Однако наиболее катастрофично то, что сейчас прервана связь поколений, что имеется огромный пробел в воспитании, который трудно восполнить. Иногда нам кажется, что если мы будем воспитывать наших детей, внуков так, как воспитывали нас — честными, справедливыми, порядочными, — то они не выживут в этом мире. Наоборот, они не смогут по-настоящему жить, если будут другими.

Когда я снимал «Охоту на бабочек», то имел в виду не конкретно Францию и не

конкретно Грузию, хотя обе эти страны мне близки. Эффект разрушения моста между культурами, поколениями можно увидеть в разных концах света.

Иногда меня упрекают в пессимизме. Это так, если смотреть на пессимизм как на игру, свойственную искусству. Пессимист в быту — человек, который закрывается в комнате, ничего не хочет делать, никого не хочет видеть. Пессимизм в искусстве совсем иного свойства. Здесь человек активно действует, работает, снимает и главное — адресует свое произведение людям. Это творческий метод, игра по определенным правилам.

Снимая фильмы, я актерам предпочитаю непро-

фессионалов. Действительный человеческий заряд, глубина личности гораздо важнее, чем актерское мастерство. Актер, сыграв одного, второго, третьего, причисляется к лицедейству, и даже в обычной жизни уже не поймешь, какой он. Непрофессионалам, если их внутреннее «я» совпадает с миром героя, приходится меньше объяснять, что нужно делать, хотя они поначалу боятся камеры.

Интуитивно я ощущаю, что каждое поколение живет по своим законам, в своем измерении. Не взялся бы снимать фильм о молодежи, поскольку мне незнаком их быт, вкусы, привычки, круг идей. Я не бываю в компаниях дочери, она со мной тоже не очень откровенничает, что и понятно: родителей надо побаиваться. Поэтому мои герои — это люди того возраста, который мне наиболее близок, знаком. И они, естественно, стареют вместе со мной. Сейчас я внимательно присматриваюсь к старикам, стараясь не упустить те напутствия, которые они нам всем еще могут дать.

Раньше мне уютнее работало в Грузии, но это время ушло навсегда. Сейчас меня приглашают вернуться, но где и как я там буду работать? Кинопроизводство раздробилось по маленьким студиям, нет самого элементарного. В Грузии раньше была особая атмосфера, способствовавшая творчеству, хотя картины закрывали, запрещали. Во Франции теперь — радость слаженной работы. Хотя и здесь мне приходит-

ся ждать 2—3 года, пока наберется сумма, необходимая для начального периода работы над фильмом. А когда запустишься — все уже идет без зацепок, задержек. Однако молодому таланту во Франции пробиться практически невозможно. Нельзя снять что-то свое, самобытное, пока не сделаешь 3—4 коммерческие поделки. А затем можно войти во вкус...

Вообще-то кинематограф — искусство, на мой взгляд, отмирающее. Кино все дальше от условного, метафоричного языка, характерного для художественного произведения, оно становится лишь тенью жизни. Исчезает образность, остаются лишь движение камеры и мизансцены. В дальнейшем нас ждет компьютерный монтаж, когда для каждой сцены будет предложено 80 вариантов — не надо думать, только кнопки нажимаю.

Конечно, для нашей жизни свойственно, что прошлое всегда милее. В молодости и работает лучше, и круг друзей шире. «Лицейских друзей» больше нигде и никогда не встретишь. И причины здесь — не географические, а именно временные.

Грустные мысли, что и говорить. Справедливые, наверное... Но любители кино, право же, не разлюбят ни «Листопад», ни «Жил певчий дрозд», которые когда-то потрясли. Помимо того, что потрясли художественностью, новизной приемов, потрясли человечностью. А это не забывается.

Л. ФОМИНА.